

Д.П. САФРОНОВА

УСТНАЯ РЕЧЬ В ПРАВОВОЙ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЛЕОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА X–XI ВЕКОВ

Статья посвящена анализу того, в какой мере устная речь была формализована в правовых транзакциях Леонского королевства X–XI вв. и насколько дошедшие до нас грамоты этого периода передают ее характер и содержание. Эта проблема рассматривается в связи с практикой составления завещаний, в частности, исследуется роль устной коммуникации в последнем волеизъявлении, его документальном оформлении, дальнейшем подтверждении наследственных прав, а также судебных разбирательствах по этому поводу.

Ключевые слова: Леонское королевство, устная речь, завещание, *Liber Iudiciorum*

Устная речь играла важную роль в правовых процедурах раннего Средневековья, но дошедшие до нас грамоты, не говоря уже про нарративные памятники, как правило, дают лишь косвенные сведения об устной культуре того времени¹. В раннее Средневековье письменная традиция существовала в форме «островков в море» устной коммуникации и позволяет составить лишь общие представления о ней². Среди специалистов нет единства мнений о том, на каких языках разговаривали в романской Европе раннего Средневековья, в какой мере вернакуляр отличался от той латыни, на которой составлена большая часть источников этого периода. Согласно теории Р. Райта, процесс расхождения между разговорными романскими и латинским языками был постепенным и продолжался как минимум до IX–X вв.³ Принято считать, что до этого времени в романской Европе латинский текст, будучи зачитанным вслух, был понятен неграмотным носителям вернакуляра, а отражение их слов на письме требовало скорее смены регистра речи, но не перевода в буквальном смысле этого слова⁴. Устная речь романоязычного

¹ Stock 1983: 8; Innes 1998: 3–36; Geary 2002: 114–117; Richter 2012: 103–104; Frank-Job, Selig 2016: 25.

² Гуревич 1990: 161.

³ Р. Райт высказал предположение о том, что до каролингских реформ латинский язык был не более чем письменной формой разговорного романского. Хотя уже в раннее Средневековье освоение грамоты и понимание латинских текстов становилось все более трудным для носителей романского языка, в этот период вернакуляр и латынь отличались скорее фонетически, а не лексически или морфологически, и представляли собой два разных регистра речи, а не два разных языка (подробнее см.: Wright 1982). Основные положения теории Р. Райта имеют широкое признание среди историков, хотя был предложен ряд оговорок относительно характера и хронологии процесса расхождения разговорного и письменного языков в разных регионах романской Европы (см.: Stock 1983: 24; McKitterick 1989: 8–22; Fouracre, Gerberding 1996: 60–64; Kosto 2001: 152–156; Davies 2007: 103).

⁴ Wright 1999: 50–55. Даже если составители текстов стремились отразить в них устную речь, это является не дословной фиксацией сказанного (англ. *in-scriptation*), а,

«безмолвствующего большинства» доступна нам только в восприятии его грамотных современников, составивших дошедшие до нас тексты.

Некоторые историки полагают, что даже в правовом контексте мы имеем дело с прошедшими литературную обработку, а порой и полностью вымышленными речами⁵. Другие, напротив, исходят из того, что в правовой сфере раннего Средневековья считалось важным дословно отразить на письме текст, произнесенный в ходе процедуры⁶. Наличие вернакуляра как таковое, конечно, не обязательно указывает на то, что в документе была дословно передана устная речь участников правовой процедуры⁷. Но систематичность применения вернакуляра в некоторых раннесредневековых документах позволяет предполагать дословное отражение представленной в них устной процедуры⁸.

Раннесредневековые документы Леонского королевства содержат свидетельства, в которых можно усмотреть отражение устной коммуни-

с лингвистической точки зрения, результатом более сложной трансформации, которая структурно и лексически меняет исходный материал (англ. *in-scripturalization*). Подробнее см.: Geary 2002: 113; Frank-Job, Selig 2016: 25–26.

⁵ В историографии этот вопрос подробно рассматривался на примере знаменитых клятв 842 г. в Страсбурге, которые Нитхард привел в своей «Истории» на латыни и в переводе на разговорные языки. Некоторые историки рассматривают сообщение этого автора как достоверное отражение произнесенных во время самой процедуры слов (см., напр.: Chapman Stacey 2007: 243–244), но многие склоняются к тому, что Нитхард хотя бы отчасти переработал тот текст, который мог слышать из уст приносивших клятву королей (Nelson 1985: 265–266; McKitterick 1995: 11–12; Kosto 2001: 155–156). Еще более скептический взгляд на эту проблему предложил П. Гири: с его точки зрения, клятвы не только в нарративных, но и в документальных источниках раннего Средневековья едва ли передают слова тех, кто приносил присягу. По мнению Гири, такие тексты отражают скорее представления их составителей о том, какой должна быть клятва, а порой являются плодом их воображения (Geary 2007: 239–240; Idem 1999: 182–184). Применительно к нормативным текстам подобные сомнения высказывал П. Барнвелл: он предположил, что приведенная в варварских правдах прямая речь является образцом того, что должно было быть сказано в определенной правовой ситуации, но опять же не дословным отражением того, что в действительности произносили на практике (Barnwell 2011: 23–24).

⁶ Неслучайно, именно в таких грамотах можно найти наиболее ранние случаи употребления романского языка на письме. См.: Frank-Job, Selig 2016: 24–30.

⁷ Так, в использовании романского языка можно усмотреть ошибку писца (Cheyette 2001: 193), или его стремление адаптировать грамоту для последующего прочтения перед неграмотной аудиторией (Geary 1999: 182–183). Подробнее историографический обзор различных подходов к этой проблеме см.: Chapman Stacey 2007: 234–249.

⁸ Например, особенности употребления разговорного языка в латинских клятвах верности XI в. из Каталонии дают исследователям основания предполагать, что эти тексты записывали и определенным образом озвучивали непосредственно во время принесения присяги. В таких клятвах на вернакуляре нередко было представлено не конкретное содержание данных под присягой обязательств, но формульная составляющая (чаще всего глаголы), для которой, казалось бы, можно было легко найти эквивалент в латинском формуляре. Согласно М. Зиммерману, отдельные слова на романском языке, вставленные в латинский текст такой клятвы, приносящий ее человек самостоятельно произносил в ходе процедуры, в то время как остальное за него зачитывали на латыни (Zimmermann 1985–1986: 145–148; 2003: 54–55; см. также: Kosto 2001: 154–156; Frank-Job, Selig 2016: 28).

кации. К их числу чаще всего относят формулы в первом лице настоящего времени, которые также можно описать как перформативные⁹. Однако в этом регионе взаимосвязь таких текстов с правовой практикой менее очевидна, чем в случае с каталонскими клятвами верности. Составленные на т.н. «леонской вульгарной латыни» грамоты X–XI вв. демонстрируют влияния разговорной речи, но среди специалистов нет единства в том, что именно в языке этих текстов может быть проявлением малограмотной латыни, а что – вернакуляра. Согласно теории Райта, процесс расхождения между разговорным и письменным языками происходил в Леоне медленнее, чем в посткаролингском мире, и продолжался как минимум до последней четверти XI в., так что по отношению к леонскому раннесредневековому материалу само противопоставление латыни и вернакуляра анахронистично¹⁰. Поэтому методами лингвистики едва ли можно сколько-нибудь точно установить, что какие-либо фрагменты в леонских документах X–XI вв. были намеренно записаны их современниками на вернакуляре или переведены на него¹¹. Тем не менее в некоторых случаях историки все же считают возможным рассматривать перформативные формулы из леонских грамот как буквальное отражение устной коммуникации того времени. При этом данный подход часто обосновывают не присутствием вернакуляра в текстах, а, напротив, тем, что в них нет выраженной взаимосвязи с разговорной речью X–XI вв. Так, согласно гипотезе В. Дэвис, относительно устойчивое и единообразное употребление перформативных формул в леонских судебных документах, фиксирующих клятвы, соглашения и признания вины, позволяет предположить, что именно эти тексты от первого лица люди дословно произносили на практике¹². Используемые в этих грамотах формулы, как правило, имеют вестготское происхождение, а их правовое значение, вероятно, зависело от того, в какой мере они соответствовали древним образцам (а не от того, насколько они были понятны простым участникам той или иной процедуры в X–XI вв.)¹³. Известный нам порядок принесения клятвы, ради которого люди специально

⁹ Термин введен Дж. Остином для обозначения таких высказываний, которые эквивалентны выполнению самого действия, например, если люди произносят фразу «мы клянемся», они самим этим речевым актом приносят клятву (см.: Арутюнова 1990).

¹⁰ По мнению Р. Райта, до реформы литургии 1070-х гг. латынь и вернакуляр еще не воспринимались в Леоне как два разных языка. Хотя освоение грамоты и понимание латинских текстов требовало от людей все больше усилий, до конца XI в. тексты на латыни, зачитанные вслух, еще были понятны неграмотным носителям романского языка без перевода. Подробнее см.: Wright 1991: 21–34; Idem 2013: 119–120; García Valle 1998: 140–161; Pérez González 2008: 47–101; Banniard 2013: 84–87.

¹¹ Влияние вернакуляра прослеживается как в формульной, так и в свободной от формул, т.н. нарративной части документов этого периода (подробнее см.: Díaz y Díaz 1981: 79–81; Alvarez Maurin 1995: 419–431; Evangelista Marques 2018: 157–158.

¹² Хотя сам этот тезис встречается и в более ранней историографии, именно в работе В. Дэвис он представлен наиболее аргументированно (Davies 2016: 50, 125–127, 144; см. также: Prieto Morera 1992: 388; Evangelista Marques 2018: 131, 133–134, 142).

¹³ Об этом см.: Brown 2002: 363–364.

собирались в церкви в присутствии сайона, указывает на ритуальный характер этого действия. Источники не сообщают о том, были ли дошедшие до нас тексты клятвы записаны или использованы в ходе самой процедуры, но можно предположить, что в подобном контексте именно известные нам слова древней присяги с длинным перечнем сакральных имен действительно имели паралитургическое значение. Но была ли устная речь в этот период столь же формализована в правовых процедурах, не связанных напрямую с трансцендентным, подобно клятве?

Нельзя исключать, что в этом случае известные нам по документам перформативные формулы отражают не столько устную практику, сколько конвенциональный способ ее оформления на письме¹⁴. Вестготская правовая культура, к которой восходит значительная часть использованных в грамотах X–XI вв. формул, во многом отличалась от леонской. Согласно вестготскому праву, различные трансакции могли быть проведены *in verbis* без привлечения письма, но документальная форма их фиксации считалась предпочтительной, а грамоты имели юридическое значение и составлялись нотариями¹⁵. После VIII в. в Леонском королевстве вестготские законы едва ли применялись на практике буквально, правовой статус документа был не всегда очевиден людям того времени¹⁶, а на смену нотариам пришли менее подготовленные писцы монастырских и епископских скрипториев¹⁷. Можно также допустить, что в правовых процедурах изменилась сфера применения и само значение устного слова, будь то спонтанная речь или древние формулы.

В связи с проблемой взаимодействия устной и письменной речи в правовой сфере Леонского королевства особый интерес представляет практика составления завещаний¹⁸. Сами обстоятельства, в которых чаще всего происходило последнее волеизъявление, казалось бы, предполагают особое значение устного слова. Очевидно, что устная коммуникация сопровождала передачу имущества *mortis causa* в этот период. Более того, распространено мнение, что в X–XI вв., в условиях относительной «вульгаризации» права и упадка грамотности, именно завещание *in verbis* вместе с назначением исполнителей последней воли стало наиболее распространенным способом распоряжаться имуществом по-

¹⁴ Evangelista Marques 2018: 132.

¹⁵ Marlasca Martínez 1998: 564–566; Everett 2013: 70, 83–86.

¹⁶ Подробнее см.: Сафронова 2017; 2018.

¹⁷ Collins 1990: 118, 124, 129; Davies 2007: 96–97; Eadem 2016: 141–143; Evangelista Marques 2018: 129, 137.

¹⁸ Трансакции *mortis causa* были широко распространены в раннее Средневековье, однако характерные для более позднего права критерии едва ли позволяют определить сам феномен завещания X–XI вв. строго в юридических категориях. Так, по типу письменной фиксации и процедуре составления завещания в этот период часто не отличались от дарения *inter vivos*. Как известно, самим термином «*testamentum*» в то время обозначались самые разные типы дарений. Кроме того, акт передачи имущества *mortis causa* в X–XI вв. необязательно был односторонним и необратимым. Подробнее см.: Arvizu y Galarraga 1977: 131–132; García Gallo 1977: 426–427, 462–466; Martos Calabrús 1998: 37–38.

сле смерти¹⁹. С другой стороны, корпус леонских документов X–XI вв. содержит немало завещаний, которые всё же получили оформление на письме. Из источников мы знаем, что в этот период при подтверждении составленных ранее грамот их могли публично зачитывать вслух, так что формальный язык этих текстов, скорее всего, звучал на ассамблеях²⁰. Но было ли само устное волеизъявление в X–XI вв. сколько-нибудь формализовано или регламентировано, как это предполагают перформативные формулы из дошедших до нас завещаний? Фиксировались ли пожелания покойного на пергамене непосредственно в момент волеизъявления и насколько проведенная в итоге транзакция соответствовала первоначальным указаниям завещателя?

Задача статьи – рассмотреть роль устной речи в составлении завещаний, последующем подтверждении наследственных прав и разбирательствах по этому поводу в Леонском королевстве в X–XI вв. В отличие от дипломатики и правовой истории, которые при изучении этой проблемы прибегали к анализу формул, типов документов и законов, мы попробуем исследовать то, как устное волеизъявление и бытование фиксирующего его документа описаны в т.н. нарративной части грамот X–XI вв., которая также может быть отчасти формализована, но в этот период ее часто составляли в свободном стиле. Грамоты с подробным *narratio*, как правило, фиксировались на письме спустя некоторое время после представленных в них событий, и наряду с ретроспективным описанием собственно правовых процедур в них можно найти различные сведения неюридического характера, например, биографию завещателя, обстоятельства волеизъявления и последующей тяжбы²¹. Кроме того, составители таких нарративных сообщений иногда пересказывали слова участников той или иной процедуры или даже передавали это в форме прямой речи. Представленные таким образом реплики часто имеют риторический характер, а порой даже явную библейскую первооснову, так что они едва ли позволяют нам реконструировать конкретное содержание устной коммуникации этого периода. Тем не менее можно предположить, что даже не будучи «процессуальными актами» или «расшифровкой судебных слушаний»²² и вне зависимости от своего правового

¹⁹ Сторонники этой гипотезы считают важным подчеркнуть, что в X–XI вв. устный тип завещаний существовал на практике, но не был признан нормативно и не имел ничего общего с формами завещания *in verbis*, которые допускались позднеримской и вестготской традициями, поскольку предусмотренные ими способы верификации завещаний и их письменной фиксации более не соблюдались (см.: Arvizu y Galarraga 1977: 269–271; García Gallo 1977: 426–427; Martos Calabrús 1998: 38–39).

²⁰ То, как именно произносили составленные на этом языке документы в X–XI вв., является предметом отдельной острой полемики среди лингвистов (см.: Pérez González 2008: 96–98). Примеры прочтения леонских документов на раннесредневековых ассамблеях см.: Сафронова 2018.

²¹ Подробный анализ данного типа документов см.: Alfonso Anton 2004: 53–55; Davies 2016: 37–39, 84, 121–123; Evangelista Marques 2018: 133–134, 137–140.

²² В таких выражениях А. Прието-Морера и Р. Коллинз соответственно описывали этот тип источников (Prieto Morera 1992: 391; Collins 1986: 212). Современные исто-

статуса такие тексты так или иначе отражают характерные для X–XI вв. представления о значении устной речи.

В правовой историографии с ее вниманием к нормативной стороне вопроса период X–XI вв. часто рассматривался как время глубокого упадка в истории завещания²³. Принято считать, что до XII в. в Леонском королевстве вестготские законы о завещании практически не соблюдались, тогда как немногие известные нам собственно леонские нормативные памятники первых веков Реконкисты вовсе не затрагивают этот аспект права. Тем не менее дошедшие до нас документальные источники этого периода все же позволяют предположить, что в Леоне X–XI вв. существовали представления если не о норме, то по крайней мере о правильном порядке передачи имущества *mortis causa*.

Лучше всего это показывает документ рубежа XI–XII вв. (1087–1109) из картулярия монастыря Саагун. Завещатель, который был магнатом при дворе Альфонсо VI (1065–1109), перед своей смертью приказал отдать все свое имущество в пользу Саагуна. Однако аббат монастыря, которым в то время был выходец из Ключи Бернард де Седирак (1081–1085), вопреки воле покойного, не составил об этом документ, поскольку, согласно нашему источнику, Бернард «не знал обычая земли (*consuetudo terre*)»²⁴. В результате наследство Саагуна было оспорено сестрой покойного, так что преемнику Бернарда, аббату Диего (1087–1110) пришлось отстаивать права монастыря на это имущество в суде в присутствии Альфонсо VI и его магнатов. Участники судебной ассамблеи решили, что монастырь все же должен получить причитающееся ему наследство, и постановили составить отсутствующее на момент тяжбы завещание так, «чтобы оно имело силу, как если бы было сделано в его (завещателя. – Д.С.) присутствии»²⁵. Там же мы находим соответствующее изложение воли покойного, которое было составлено на языке формул от первого лица спустя как минимум несколько лет после

рики опираются на такие нарративные сообщения при изучении правовой практики как таковой, но более осторожны в оценке правового статуса таких грамот: их не рассматривают как «официальные» записи или акты, а приведенную в них прямую речь – как свидетельство того, что было в действительности произнесено на практике (Davies 2016: 39, 143–145, 147–149; Evangelista Marques 2018: 137–139; Alfonso Anton 2004: 54). Согласившись с самым последним аргументом, попробуем все же предположить, что само разделение на «официальные» и «неофициальные» документы может оказаться анахроничным по отношению к X–XI вв.

²³ Arvizu y Galarraga 1977: 269–271; Cámara Lapuente 2011: 73–75.

²⁴ «...In articulo autem mortis constitutus, iussit omnem suam hereditatem eidem monasterio dari... Abbas vero Bernardus, tunc eiusdem monasterii pater, partiens ipsam hereditatem cum eius sorore, Santia nomine, non fecit testamentum (здесь и далее курсив мой. – Д.С.) sicut moriens ille fieri preceperat, ignarus consuetudinis terre» (Colección diplomática del monasterio de Sahagún. T. III. Doc. 786 (1080)).

²⁵ «Peracto ergo non grandi tempore, surrexit dominus Diacus abbas in eodem loco et cotidie mihi suggerens quid inde fieret, offendit me in Castro Froila... Iudicaverunt omnes, qui huic negotio intererant, Petrus scilicet et Garsias comes, aliique multi nobiles, debere fieri testamentum, tantumque valere quam si presente eo factum fuisset... Ego Gundisalbus Ferrandiz facio textum scripture, pro remedio anime mee...» (Ibid.).

смерти завещателя. С одной стороны, фиксация последней воли на письме считалась в этом случае необходимой, а с другой – было допустимо составить такую грамоту постфактум от лица покойного, датировав ее задним числом. Другие источники позволяют предположить, что данный казус не был исключительным для своего времени: выраженная «*ex ore*» последняя воля покойного могла быть записана после его смерти, при этом устное волеизъявление, с точки зрения людей того времени, по всей видимости, не требовало какой-либо верификации²⁶.

Другой документ 976 г. из картулярия Саагуна, напротив, свидетельствует о том, что по крайней мере в стенах монастыря связь между устной и письменной речью при составлении завещаний могла быть более тесной. Некий Ансур, служитель королевского дворца, будучи при смерти, собрал в Саагуне ассамблею монахов и магнатов, на которой «перед лицом собрания» (*coram concilio*) «своим языком» (*lingua sua*) передал все свое имущество в пользу Саагуна²⁷. Уже в тот момент об этом была сделана некая запись (*notitia*), а затем – грамота (*scriptura*), которую аббат Саагуна после смерти Ансура представил (*presentavimus*) на ассамблее епископов и магнатов в присутствии короля Рамиро III²⁸. Участники этого собрания «хорошо изучили» (*contractave-runt bene*) завещание и подтвердили за монастырем право на переданное ему имущество. В то же время, вопреки воле Ансура, ассамблея оставила за его сыновьями право забрать у Саагуна половину наследства, а затем аббат из оставшейся за монастырем половины передал часть в пользу королевы регентши Терезы. Так, с одной стороны, устное волеизъявление Ансура было представлено как значимое публичное действие, приуроченное к исповеди умирающего, но с другой – предметом последующей верификации стало именно письменное завещание, а изначальное решение покойного, по всей видимости, было пересмотрено.

Нельзя исключать, что особое внимание к письменной фиксации волеизъявления в приведенных примерах из картулярия Саагуна отражает присущую именно церкви практику, в которой документ использо-

²⁶ В грамоте 1060 г. из картулярия Саагуна сказано: «Ista omnia super taxata, in uita ipsius Sesemiri confessi et defunti nondum scriptam fuit, set ex ore et de corde et mente deuota decrebere mandabit et rogabit fratrem suum nomine Gundisalbo Eiza ut exinde scripturam faceret» (Colección diplomática del monasterio de Sahagún. T. II. Doc. 611 (1060)).

²⁷ «Nam post confessio eius accepta quoadunabit ipse memorato Ansuri omnes abbates vel et fratres adque multorum filiorum venenatorum avitantes zives Legione et coram concilio fratrum omnia que abuiit lingua sua per notitia secundum in suo testamentum resonat post partem Sanctorum Facundi et Primitibe per pactum vel textum scripture redidit...» (Colección diplomática del monasterio de Sahagún. T. I. Doc. 284 (976)).

²⁸ «Igitur post omnia factum sicut est supertaxatum tunc perrexi ego Felicies abba cum collegio fratrum in presencia domni nostri principi sumi domni Ramiri vel gloriosa mater eius domnissima Tarasia Christi ancilla ubi erant congregati omnes aepiscopus, abbates... et cum eos omnes comitibus adque cunctarum magnati palacii in cives Neumanzie... et nos coram presentia eius hunc textum scripture presentavimus; illi vero misericordia admoti et de Domini timore repleti contractaverunt illum bene una cum pontifices et magnatis omnibus et elegerunt sane, ordinaverunt...» (Ibid.).

вался для противодействия внутрисемейному наследованию, установленному обычаем²⁹. В то же время другие источники позволяют предположить, что в имущественных транзакциях *mortis causa* между мирянами грамотам также придавалось особое значение. Так, согласно документу 1068 г. из Леонского кафедрального архива, некий Пелайо Ситис взял на себя обязательство завещать другому мирянину деревню, но получил серьезное ранение и так и не выполнил своего обещания³⁰. Умирая, Пелайо приказал жене и сыновьям от его имени позвать *homines boni*, чтобы те после его смерти составили за него обещанную грамоту. В завершении выполненного таким образом завещания отмечается, что оно было записано спустя месяц после смерти покойного в соответствии с нормой вестготского кодекса *Liber Iudiciorum*. При этом в источнике была сделана точная ссылка на соответствующий закон (LI II, 5, 12), который наряду с прочим предписывает огласить волю покойного в течение 6 месяцев³¹. Процедура назначения поручителей на первый взгляд напоминает установленную в *Liber Iudiciorum*. Тем не менее ссылка на вестготское право носит здесь скорее формальный характер уже хотя бы потому, что в кодексе речь идет об опубликовании составленной при жизни завещателя грамоты, тогда как в данном казусе документ был сделан явно после смерти завещателя. Данная статья *Liber Iudiciorum* (LI II, 5, 12) в целом, скорее всего, была хорошо известна в X–XI вв.³²: в документах этого времени можно найти развернутые цитаты из этого закона с указанием на его вестготское происхождение³³. Без прямой ссылки на сам кодекс текстуальное влияние этой вестготской нормы также прослеживается в том, как леонские источники описывают назначение исполнителей последней воли³⁴. При этом составители грамот X–

²⁹ Об этой тенденции на материале варварских правд см.: McKitterick 1989: 65–67.

³⁰ «Ipso Pelagio Citiz iam dixerat in sua sanitate kartula perfiliationis facere se promiserat ad Orfilo Saluatoriz, et in ipso extantem inuenit illic ictum percussioneis de gladio et in ipsa extrema mortis ordinauit uxori sue Lebsenda et filiis suis Iohannes, Cipriano, Saluatore ut in persona sua uocarent homines bonos de quatuor genera ut adimplerent...» (Colección documental del archivo de la catedral de León. T. IV. Doc. 1068 (1049)).

³¹ «Hec serie constructa per ordinacione defuncti ad mense uno quod defunctus obiit, infra menses VI sunt, et hec confictio facta sicut dicit in libro secundo, titulo V, sententia XII uel tercia decima de Gens Gotorum» (Ibid.). В тексте самого закона сказано: «...Ille vero scripture, que sub tertii ordinis alligatione sunt edite, id est, in quibus advocates a conditore legitimus testis suscripsit, tunc omni habebuntur stabiles firmitate, quando infra sex menses et ille, qui in eadem scriptura ad vicem morientis suscriptor accessit, et reliqui testes, qui ab eo rogati sunt, coram iudice condicionibus factis iuraverint...» (*Liber Iudiciorum* sive *Lex Visigothorum* (далее – LI) (Erv) II, 5, 12). Подробнее об этом законе см.: King 1972: 109–110; Martos Calabrús 1998: 34–36.

³² Подробнее о ссылках на этот закон в леонских и каталонских документах соответственно см.: Rodiño Caramés 1997: 28–29, 47; Zimmermann 1973: 252, 260–261.

³³ Например, см.: Colección de documentos de la catedral de Oviedo. Doc. 71 (1075).

³⁴ «Ego quidem Fronildi, prolem Pelagii, dum me mortis periculum inmineret, matuens ne rem meam inordinata relinquerem non preualui subscribere uel signum facere, tamen cum legitimis testibus signatorem alium ordinationis mee institui et a me rogitus subscriptor uel signator Aloytus Legionensis episcopus ad persona mea testamentum illi facere malui...» (Colección documental del archivo de la catedral de León. T. IV. Doc. 1114 (1058)).

XI вв. актуализировали третий из четырех вариантов оформления завещаний, установленных в данном вестготском законе: согласно этому способу, если завещатель не смог самостоятельно ни знаком, ни подписью скрепить составленное еще при своей жизни завещание, то он должен был поручить свидетелям расписаться на этой грамоте и после его смерти подтвердить ее подлинность под клятвой перед судьей³⁵.

Как показывают примеры, в леонской практике X–XI вв. документ нередко составляли уже после смерти завещателя, а опубликование грамоты и клятвенное подтверждение со стороны свидетелей в присутствии судьи, скорее всего, не проводилось вовсе. Люди, которым завещатель поручил распорядиться своим имуществом, в леонской практике играли роль скорее исполнителей его воли³⁶, но не свидетелей устного волеизъявления или «подписантов» (*suscriptor vel signator*) письменного завещания, как это предусматривал *Liber Iudiciorum*. Если составители леонских документов в X–XI вв. не просто копировали формулы, созданные ранее под влиянием вестготского закона, но обращались к нему напрямую, то, вероятнее всего, это делалось сугубо формально с целью представить завещание легитимным. Интересно, что четвертый из представленных в *Liber Iudiciorum* способов оформления последней воли допускал устное волеизъявление (*tantummodo verbis*) без составления письменного завещания, но в Леоне X–XI вв. данную процедуру ассоциировали именно с третьим способом, построенном на документе.

В судебной практике X–XI вв. разбирательства по поводу наследства также разворачивались вокруг грамоты завещания, но не устного волеизъявления. В таких спорах между монахами одним из аргументов могло стать даже отсутствие на соответствующем завещании необходимой подписи³⁷. В тяжбах между клириками и светскими лицами за имущество, завещанное в пользу церкви, грамоты также играли важную роль. В ходе разбирательства мирянин мог сослаться на сделанное в его пользу завещание, так что спор шел о том, какой из документов, в пользу светского лица или в пользу церкви, был составлен раньше другого³⁸, или существовало ли в принципе завещание в пользу церкви³⁹. Все же при очевидной значимости письменного завещания его наличие далеко не всегда ограждало церковь от притязаний на дарованное ей имущество: клирикам нередко приходилось требовать свое наследство и многократно отстаивать. В такой ситуации, согласно грамоте 1037 г. из Ле-

³⁵ «Morientium extrema voluntas, sive sit auctoris et testium manu suscripta, sive utrarumque partium signis extiterit roborata, seu etiam, et si auctor suscribere vel signum facere non prevaleat, alium tamen cum legitimis testibus suscriptorem vel signatorem ordinationis sue instituat, sive quoque, si tantummodo verbis coram probationem ordinatio eius, qui moritur, patuerit promulgata: hec ordinationum quatuor genera omni perenniter valere subsistant» (LI II, 5, 12 (Erv)).

³⁶ Подробнее см.: Arvizu y Galarraga 1977: 309–349; García Gallo 1977: 486–496.

³⁷ Colección diplomática del monasterio de Celanova. T. II. Doc. 191 (982).

³⁸ Colección documental del archivo de la catedral de León. T. I. Doc. 256 (952).

³⁹ Fuentes para la historia de Castilla. T. III. Doc. 210 (957).

онского кафедрального архива, епископ и мерино приказали некоему Ариасу выполнить последнюю волю его покойного брата, завещавшего свое имущество в пользу монастыря св. Петра и Павла в Леоне. В ответ Ариас в присутствии епископа и мерино «принял их совет» (*adquievit ad eorum consilio*) и «произнес своими устами (*ore proprio*): “Я выполняю (*adimpleam*). Пусть Господь примет его (брата Ариаса. – Д.С.) приношение”»⁴⁰. Прямая речь представлена здесь в нарративном рассказе о событиях и не является формулой в строгом смысле слова (в отличие от следующего за этой фразой формального завещания от имени Ариаса). При этом данную реплику отличают присущие юридическому дискурсу лексика и перформативный характер высказывания (*adimpleam*).

Похожее подтверждение наследственных прав можно было «услышать» из уст самого государя: в том случае, если завещатель был членом королевского дома, то именно к нему бенефициар мог обратиться с просьбой закрепить за собой наследство. Так, согласно грамоте 1012 г. из Леонского кафедрального архива, монах Теодомиро получил по завещанию деревню и на ассамблее королевского дворца попросил Альфонсо V (999–1028) о милости (*petibit misericordiam*) подтвердить это наследство за монастырем св. Иакова. Источник сообщает: «когда король услышал это прошение (*sugessionem*) и мольбу (*deprecationem*), он согласился с этим и сказал: “Я делаю (*faciam*) и выполняю (*adinpleam*) для дома св. Иакова, что ты у меня просишь”»⁴¹. Эта реплика, не будучи формулой в прямом смысле слова, содержит характерную для юридического дискурса лексику (*adinpleam*) и перформативность (*faciam*). В описании сцены прошения также прослеживается влияние литургического дискурса (*misericordiam, deprecationem*), на основании которого, возможно, была смоделирована процедура подтверждения наследственных прав.

Высказывались предположения, что речь таких прошений соответствовала языку «повседневной жизни» того времени⁴². Как бы то ни было, даже будучи вымыслом составителей источников, подобные реплики могли иметь правовое значение в том смысле, что в глазах людей того времени эти «свидетельства» устной речи, наряду с формулами, могли придавать документу легитимность. Современные исследователи

⁴⁰ «Tunc peruenerunt in presencia domno nostro Seruandus, Dei gratia episcopus, et de Uellite Petriz et ordinauerunt ad ipse Arias et ad frater eius ut dedisset quantum Ruderici reliquerat ad Sancti Petri pro sua anima et de auium uel parentum suorum, et ipse Arias adquieuit ad eorum consilio et narrauit ore proprio: “Ego adimpleam. Dominus accipiat uotum eius”». Colección documental del archivo de la catedral de León. T. IV. Doc. 951 (1037).

⁴¹ «Et dum uidit se in angustia positus ipse Teudemirus confessus pro ipsa uilla, petibit misericordiam at rege domno Adefonso et rogabit eum cum regina domna Giloyra et cum duce Sarracino Siliz et omnem togam palatii ut confirmasset ipsa uilla cum suos omnes at parte monasterii pro sua anima et de eius genitore rex domno Ueremudo, cuius memorie sit in benedictione. Dum autem audibit rex hunc sugessionem et deprecationem adquiebit eis et dixit: “Ego faciam et adinpleam at domum Sancti Iacobi quod mihi postulatis”» (Colección documental del archivo de la catedral de León. T. III. Doc. 708 (1012)). Похожий пример можно найти в грамоте того же года из того же архива: Ibid. Doc. 707 (1012).

⁴² Koziol 1992: 56–58.

связывают правовой статус раннесредневековых грамот с их формальными клаузулами, (ссылками на закон или подписями свидетелей), но не с прямой речью, которая, как правило, не рассматривается как юридически значимый элемент документа. На наш взгляд, в документальной культуре X–XI вв. с присущим ей невысоким доверием к грамоте как таковой устное подтверждение со стороны родственников завещателя, переданное в тексте как бы дословно, могло приобретать не меньшее правовое значение. В то же время прямая речь, использованная в таких леонских грамотах, конечно, не делает их документальным свидетельством или тем более протоколом описанной в них процедуры. Изложенные от первого лица слова ее участников были призваны скорее передать образ той коммуникации, или, как описал это Ч. Инсли, «эхо того диалога»⁴³, который мог иметь место на практике. При этом в нарративной части грамот считалось важным передать в форме прямой речи не волю покойного, но именно признание со стороны его родственников или короля. Нельзя исключать, что не только в документах, но и в правовой практике того времени устное слово завещателя играло второстепенную роль. Последнее волеизъявление *sine scriptura* могло иметь правовые последствия, однако документальная фиксация трансакций *mortis causa* считалась нормой, вероятно, как среди клириков, так и мирян.

В своем подчеркнутом интересе к письменному завещанию и тонкостям его создания люди X–XI вв. были явно ориентированы на вестготскую традицию. С одной стороны, закон *Liber Iudiciorum* о составлении завещаний напрямую или опосредованно через формулы был известен в Леонском королевстве. С другой, правовое содержание этой процедуры, предусмотренное вестготской нормой, на практике здесь, скорее всего, было утрачено. Если в вестготском праве основное внимание уделялось тому, как следует установить подлинность письменного завещания и опубликовать его, то в X–XI вв. было важно не столько верифицировать сказанное умершим завещателем или составленную в связи с этим грамоту, сколько получить согласие по поводу этого наследства со стороны родственников покойного или власти в лице короля.

В первые века Реконкисты письменное завещание по-прежнему играло важную роль, но содержание такого текста едва ли буквально отражало современную ему устную практику: такие документы нередко составляли спустя некоторое время после устного волеизъявления, а детали зафиксированной на письме трансакции могли в итоге отличаться от пожеланий самого покойного. Таким образом можно предположить, что составленная от первого лица грамота завещания в этот период едва ли рассматривалась как буквальное отражение слов умершего или «сценарий» для проведения соответствующей устной процедуры в будущем. Право человека распоряжаться имуществом *mortis causa* как таковое, конечно, не ставилось в то время под сомнение, но на практике

⁴³ Insley 2003: 52.

воля завещателя после его смерти нередко становилась предметом дальнейших переговоров и судебных разбирательств.

Если в ходе такого урегулирования устная речь и была каким-то образом формализована, то скорее в момент признания воли покойного со стороны тех, кто потенциально мог оспорить его наследство. В отличие от более ранней вестготской традиции или каталонской практики X–XI вв.⁴⁴ в Леоне этого периода подтверждение завещания, по всей видимости, не сопровождалось клятвой. В то же время описанная в наших источниках процедура, в ходе которой родственник умершего или король по просьбе бенефициаров «своими устами» признавали волю завещателя, возможно, подобно клятве находилась под влиянием литургического дискурса. Рискуем также предположить, что участники такого действия, выражая свое согласие, должны были произнести определенные слова (например, «исполняю» или «делаю») и тем самым они выполняли волю покойного и обращенную к ним просьбу. Таким образом в Леоне X–XI вв. документ играл важную роль в транзакциях *mortis causa*, но его легитимность во многом зависела от устного подтверждения со стороны короля или родственников покойного.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арутюнова Н. Д. Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 372–373. [Arutyunova N.D. Performativ // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M., 1990. S. 372–373].
- Гуревич А.Я. Устная и письменная культура Средневековья: два «крестьянских видения» конца XII–начала XIII века // Он же. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 161–178. [Gurevich A.Ya. Ustnaya i pis'mennaya kul'tura Srednevekov'ya: dva "krest'nyanskikh videniya" konca XII–nachala XIII veka // On zhe. Srednevekovyj mir: Kul'tura bezmolstvuyushhego bol'shinstva. M., 1990. S. 161–178].
- Сафронова Д.П. Liber Iudiciorum в леонских документах X–XI веков // Средние века. 2017. N 78 (1–2). С. 93–114. [Safronova D.P. Liber Iudiciorum v leonskih dokumentah X–XI vekov // Srednie veka. 2017. N 78 (1–2). S. 93–114].
- Сафронова Д.П. Документы на ассамблеях в Леонском королевстве X–XI веков // Средние века. 2018. N 79 (2). С. 86–106. [Safonova D.P. Documenty na assambleyah v Leonskom korolevstve X–XI vekov // Srednie veka. 2018. N 79 (2). S. 86–106].
- Alvarez Maurin M. El formulismo en la lengua de los documentos notariales altomedievales // Helmantica Alfonso Anton I. Judicial rhetoric and political legitimation in medieval León-Castile // Building legitimacy: Political discourses and forms of legitimation in medieval societies / Ed. Eadem, H. Kennedy, J. Escalona. Leiden; Boston, 2004. P. 51–87.
- : Revista de filología clásica y hebrea. 1995. T. 46. N 139–141. P. 419–431.
- Arvizu y Galarraga F. La disposición “mortis causa” en el Derecho español de la Alta Edad Media. Pamplona, 1977.
- Banniard M. The transition from Latin to the Romance languages // The Cambridge history of the Romance languages, vol. II: Contexts / Ed. M. Maiden, J.C. Smith, A. Ledgeway. Cambridge, 2013. P. 57–106.
- Barnwell P.S. Action, speech and writing in early Frankish legal proceedings // Medieval legal process: Physical, spoken and written performance in the Middle Ages / Ed. M. Mostert, P.S. Barnwell. Turnhout, 2011. P. 11–25.
- Brown W. When documents are destroyed or lost: Lay people and archives in the early Middle Ages // Early Medieval Europe. 2002. Vol. 11. P. 337–366.
- Chapman Stacey R. Dark speech: the performance of law in early Ireland. Philadelphia, 2007.
- Cheyette F. L. Ermengard of Narbonne and the world of the troubadours. N. Y., 2001.

⁴⁴ Zimmermann 1973: 262–263; Idem 2003: 27–36.

- Cámara Lapuente S. Testamentary formalities in Spain // *Comparative succession law*. Vol. 1: Testamentary formalities / Ed. K. G. C. Reid, M.J. De Waal, R. Zimmermann. Oxford, 2011. P. 71–94.
- Colección de documentos de la catedral de Oviedo / Ed. S.G. Larragueta. Oviedo, 1962.
- Colección diplomática del monasterio de Celanova (842–1230) / Ed. E. Sáez, C. Sáez. Alcalá de Henares, 2000. T. II.
- Colección diplomática del monasterio de Sahagún / Ed. J. M. Mínguez Fernández. León, 1976. T. I.
- Colección diplomática del monasterio de Sahagún / Ed. M. Herrero de la Fuente. León, 1988. T. II–III.
- Colección documental del archivo de la catedral de León / Ed. E. Sáez. León, 1987. T. I.
- Colección documental del archivo de la catedral de León / Ed. J. M. Ruiz Asencio. León, 1987–1990. T. III–IV.
- Collins R. Conclusion. The role of writing in the resolution and recording of disputes // *The settlement of disputes in early medieval Europe* / Ed. P. Fouracre, W. Davies. Cambridge, 1986. P. 207–228.
- Collins R. Literacy and the laity in early medieval Spain // *The uses of literacy in early medieval Europe* / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1990. P. 109–133.
- Davies W. Acts of giving: Individual, community, and church in tenth-century Christian Spain. Oxford, 2007.
- Davies W. Windows on justice in northern Iberia 800–1000. Oxford; N.Y., 2016.
- Díaz y Díaz M.C. El cultivo del latín en el siglo X // *Anuario de estudios filológicos*. 1981. Vol. 4. P. 71–81.
- Evangelista Marques A. Between the language of law and the language of justice: The use of formulas in Portuguese dispute texts (tenth and eleventh centuries) // *Law and language in the Middle Ages* / Ed. M.W. McHaffie, J. Benham, H. Vogt. Leiden, 2018. P. 128–164.
- Everett N. Lay documents and archives in early medieval Spain and Italy, c. 400–700 // *Documentary culture and the laity in the early Middle Ages* / Ed. W. Brown, M. Costambeys, M. Innes, A. J. Kostó. Cambridge, 2013. P. 63–94.
- Fouracre P., Gerberding R. A. Late Merovingian France: History and hagiography, 640–720. Manchester, 1996.
- Frank-Job B., Selig M. Early evidence and sources // *The Oxford guide to the Romance languages* / Ed. A. Ledgeway, M. Maiden. Oxford, 2016. P. 24–34.
- Fuentes para la historia de Castilla. T. III: Becerro Gótico de Cardeña / Ed. L.P. Serrano. Valladolid, 1910.
- García Gallo A. Del testamento romano al medieval: Las líneas de su evolución en España // *Anuario de historia del Derecho español*. 1977. N 47. P. 425–498.
- García Valle A. La variación nominal en los orígenes del español. Madrid, 1998.
- Geary P. Land, language and memory in Europe 700–1100 // *Transactions of the Royal Historical Society*, 6th series. 1999. Vol. 9. P. 169–184.
- Geary P. Oathtaking and conflict management in the ninth century // *Rechtsverständnis und konfliktbewältigung: Gerichtliche und aussergerichtliche strategien im mittelalter* / Ed. S. Esders. Cologne, 2007. P. 239–253.
- Geary P.J. Oblivion between orality and textuality in the tenth century // *Medieval concepts of the past* / Ed. G. Althoff, J. Fried, P.J. Geary. Cambridge, 2002. P. 111–122.
- Innes M. Memory, orality and literacy in an early medieval society // *Past and present*. 1998. N 158. P. 3–36.
- Inslcy C. Assemblies and charters in late Anglo-Saxon England // *Political assemblies in the earlier Middle Ages* / Ed. P.S. Barnwell, M. Mostert. Turnhout, 2003. P. 47–59.
- King P.D. Law and society in the Visigothic kingdom. Cambridge, 1972.
- Kostó A.J. Making agreements in medieval Catalonia: Power, order, and the written word, 1000–1200. Cambridge, 2001.
- Kozíol G. Begging pardon and favor: Ritual and political order in early Medieval France. London, 1992.
- Liber Iudiciorum sive Lex Visigothorum / Ed. K. Zeumer // *Monumenta Germaniae Historica*. Legum sectio I. Hannover, 1902. T. I: Leges Visigothorum.
- Marlasca Martínez O. Algunos requisitos para la validez de los documentos en la lex Visigothorum // *Revue internationale des droits de l'antiquité*. 1998. N 45. P. 563–584.
- Martos Calabrús M.A. Aproximación histórica a las solemnidades del testamento público. Almería, 1998.

- McKitterick R. Introduction: sources and interpretation // The new Cambridge medieval history, vol. II: c. 700–900 / Ed. *Eadem*. Cambridge, 1995. P. 1–17.
- McKitterick R. The Carolingians and the written word. Cambridge, 1989.
- Nelson J.L. Public histories and private history in the work of Nithard // *Speculum*. 1985. Vol. 60. N 2. P. 251–293.
- Pérez González M. El latín medieval diplomático // *Bulletin Du Cange*. 2008. N 66. P. 47–101.
- Prieto Morera A. El proceso en el reino de León a la luz de los diplomas // El reino de León en la Alta Edad Media. T. II: Ordenamiento jurídico del reino / Ed. M. Lucas Álvarez. León, 1992. P. 381–518.
- Richter M. The written word in context: The early Middle Ages // *Medieval oral literature* / Ed. K. Reichl. Berlin; Boston, 2012. P. 103–120.
- Rodiño Caramés C. A Lex gótica e o Liber Iudicum no reino de León // *Cuadernos de estudios gallegos*. 1997. Vol. 44. N 109. P. 9–52.
- Stock B. The implications of literacy: Written language and models of interpretation in the eleventh and twelfth centuries. Princeton, 1983.
- Wright R. La traducción entre el Latín y el Romance en la Alta Edad Media // *Signo. Revista de Historia de la cultura escrita*. 1999. N 6. P. 41–63.
- Wright R. Late Latin and early Romance in Spain and Carolingian France. Liverpool, 1982.
- Wright R. Periodization // The Cambridge history of the Romance languages, vol. II: Contexts / Ed. M. Maiden, J.C. Smith, A. Ledgeway. Cambridge, 2013. P. 107–124.
- Wright R. Textos asturianos de los siglos IX y X: ¿Latín bárbaro o romance escrito? // *Lletres Asturianes*. 1991. N 41. P. 21–34.
- Zimmermann M. Aux origines de la Catalogne féodale: Les serments non datés du règne de Ramon Berenguer Ier // *Estudi general: Revista de la Facultat de lletres de la Universitat de Girona*. 1985–1986. N 5–6. P. 109–151.
- Zimmermann M. Écrire et lire en Catalogne: IXe–XIIe siècle. Madrid, 2003. T. 1.
- Zimmermann M. L'usage du Droit wisigothique en Catalogne du IXe au XIIe siècle: Approches d'une signification culturelle // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 1973. N 9. P. 233–281.

Сафронова Дарья Павловна, аспирантка, кафедра истории Средних веков, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; safronovadp@gmail.com.

Oral speech in legal and documentary practice in the kingdom of León (tenth and eleventh centuries)

In the early Middle Ages oral speech played a major part in legal procedures, but what was said in their course is only indirectly accessible to us through the documents of the time. The article examines to what extent the surviving charters from the kingdom of León echo patterns and content of early medieval oral communication, and how far their formulaic language corresponds to the way people actually spoke during legal proceedings of the time. The analysis is focused on the acts of bequeathing in tenth- and eleventh-centuries León, more precisely, it studies the role of spoken words in the expression of a will, the creation of a written testamentary document, the execution of a bequest, and the subsequent legal challenges to it.

Keywords: kingdom of León, oral speech, acts of bequeathing, testament, *Liber Iudiciorum*

Daria Safronova. PhD student, Medieval Studies Department, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; safronovadp@gmail.com